самого Виниуса, поступивших по его смерти в Библиотеку Академии наук, — обнаружить не удалось.

Однако существуют и более прямые доказательства, что Сумароков пользовался не немецким оригиналом, а его виниусовским переводом. Это совершенно определенно решается текстуальным сопоставлением притчи Сумарокова о зайце и черепахе, состязающихся в беге (кн. III, № 24), как с переводом Виниуса, так и с текстом немецкого оригинала, а равно и с другими известными обработками этой фабулы. От всех них басня Сумарокова разнится совершенно неожиданным выбором места состязания:

Бежати взапуски со зайцем черепаха
К Москве-реке с Невы —
Из Петербурга до Москвы —
Хотела, — и кладут большой они заклад.

Ни один из вариантов этой фабулы: ни у Эзопа и Бабрия, ни их пересказы, ни обработка Лафонтена, — не содержат и намека на столь несообразный выбор ристалища. Нет ничего такого и в Theatrum Morum», немецком оригинале «Зрелища». Но в тексте самого «Зрелища» подобный повод существует: «Некогда черепаха с зайцем велий залог сотвори, кий от них первый во град утро достигнет» (№ 103), — начальная фраза переводчика, у которой вообще нет соответствия с «Театром нравов» и натолкнуть на которую Виниуса могла разве лишь иллюстрация к этой басне, где заяц и черепаха изображены на фоне довольно большого прибрежного города.[8] Правда, этот пример — единственный, но и его достаточно, чтобы ответить, какой из текстов, немецкий или русский, был под рукой у Сумарокова.

Основная же масса фабул «Зрелища», общих с притчами Сумарокова, ничем не отличается от традиционных вариантов, и в каких еще случаях Сумароков пользовался текстом виниусовского перевода, а в каких — иными источниками — судить не представляется возможным.

III

Повествовательное преобразование заимствованных сюжетов в сумароковских притчах иногда оказывалось столь значительным, что, не будь тут связующих русских пересказов XVII в., их сюжетная идентификация, пожалуй, и не была бы возможной. Конечно, это еще не основание утверждать, что именно из древнерусских переводов Сумароков и заимствовал конкретные формы преобразования традиционных сюжетов, но самый повод и даже сюжетную направленность для таких преображений древнерусские переводы или пересказы давали. Наиболее яркий пример тому притча Сумарокова «Одноколка» (кн. II, № 7). Приведу ее полностью:

Отцы, сей притчи вы не забывайте,
Рабятам воли не давайте.

Какой-то был в деревне дворянин,
У дворянина сын.
Мальчишка был изнежен,
Резвиться был прилежен;
Не знает он аза
В глаза,
И что гроза,
И что лоза,

[8] Theatrum Morum, стр. 198.